

Х.

Сближеніе.

Случай съ Быстріевскимъ сблизилъ пансіонеровъ. Хотя они сами этого не замѣчали и не пускались въ разсужденія по поводу происшедшей въ нихъ перемѣны, но со стороны нельзя было-бы не замѣтить, что въ ихъ жизни и въ ихъ отношеніяхъ нѣкоторая перемѣна, дѣйствительно, произошла. Правда, нельзя сказать, чтобъ они всѣ вдругъ совсѣмъ измѣнились къ лучшему, — не такъ ужъ это было сильно и рѣзко, — но по многому можно было судить, что общее товарищеское дѣло сблизило ихъ, внушило имъ нѣкоторое уваженіе другъ къ другу, дало имъ понять, что такой способъ дѣйствій лучше, умнѣе, справедливѣе; что рѣшать дѣла насмѣшками, щелчками да тычками вовсе не такъ остроумно, какъ рѣшать ихъ съ общаго обсуждения и согласія. Выразилась эта перемѣна въ нихъ тѣмъ, что они лучше, какъ-то мягче стали въ обращеніи другъ съ другомъ: убавилось этихъ постоянныхъ приставаній, этого вышучиванія... Нѣкоторымъ зажилось легче: Ша ужъ не считалъ Угрюмову съѣденныхъ блюдовъ и кусковъ хлѣба, Любвицкій меньше кричалъ «отстань» и «не лѣзь», Доброму не такъ часто приходилось защищаться и жаловаться на товарищевъ за то, что они на него «чукаютъ». Этому сближенію помогли еще нѣсколько случаевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ.

Исторія съ Панафидинымъ... Это была таинственная и длинная исторія... Разсказать о ней недолго, но тянулась она долго, нѣсколько мѣсяцевъ. Началась она еще до каникулъ, весною. Панафидинъ, который всегда вообразилъ, что хорошо все знаетъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не зналъ и доставлялъ своею непонятливостью и вялостью только мученія воспитателямъ, слѣдившимъ за его занятіями, — былъ ученикъ третьяго класса. Вернувшись домой послѣ одного

изъ письменныхъ экзаменовъ, онъ на вопросъ отца отвѣтилъ, что выдержалъ экзамень.

— Хорошо написалъ, — сказалъ онъ.

— Да хорошо-ли? Ты учителя-то спросилъ?

— Какъ-же, онъ сказалъ: «ничего, такъ-себѣ».

Отецъ повѣрилъ. На самомъ-же дѣлѣ было не такъ. Когда Панафидинъ подалъ работу, учитель посмотрѣлъ на нее: первая фраза была написана порядочно; онъ отложилъ листокъ въ сторону.

— Хорошо? — спросилъ Панафидинъ.

— Я начало только видѣлъ, — отвѣтилъ учитель: — ничего, такъ себѣ. А что дальше, не знаю, дома посмотрю.

На слѣдующемъ экзаменѣ то-же самое, буквально то-же... И всякій разъ Панафидинъ, приходя домой, сообщалъ отцу, что выдержалъ. Онъ не хотѣлъ лгать; онъ вообще никогда не лгалъ, а если и говорилъ, что знаетъ урокъ, то потому, что самъ былъ вполне увѣренъ въ этомъ. Да онъ и не рѣшился-бы солгать отцу, котораго очень любилъ. Къ тому-же отецъ его былъ человѣкъ болѣзненный, раздражительный, и, любя отца, Панафидинъ насколько могъ и умѣлъ, берегъ его. И вдругъ — неожиданность!.. Когда по окончаніи экзаменовъ Панафидинъ явился въ гимназію за свидѣтельствомъ, классный наставникъ выдалъ ему листокъ, въ которомъ между немногими тройками значились четыре двойки и одна единица, а внизу было написано: «Оставляется на второй годъ». Панафидинъ обомлѣлъ... Продолжая смотрѣть на свое свидѣтельство, онъ стоялъ неподвижно съ минуту, потомъ поднялъ глаза на класснаго наставника и прерывающимся голосомъ спросилъ его:

— Какъ-же?.. Антонъ Григорьичъ... А я думалъ...

— Что ты думалъ?

— Я думалъ, что... я выдержалъ...

— Зачѣмъ-же думать было? Надо было узнать повѣрнѣй.

— Антонъ Григорьичъ... помогите...

— Голубчикъ мой, теперь уже поздно. Совѣтъ былъ... До экзаменовъ, голубчикъ, надо было учиться, заниматься хорошенько...

— Я учился, Антонъ Григорьичъ... ей-Богу, учился...
— Что же подѣлаешь? Теперь уже поздно. Ничего не подѣлать...

— Антонъ Григорьичъ... какъ-же быть теперь?

— Одно осталось: остаться на второй годъ.

Въ горѣ и въ ужасѣ, сразу охватившихъ сердце холодомъ, Панафидинъ пошелъ въ камеру, сѣлъ на скамью и плакалъ, долго плакалъ... Къ нему подходили, спрашивали его; но онъ молчалъ, заливаясь слезами и всхлипывая. Потомъ спустился внизъ, надѣлъ пальто и отправился домой. Что ему сдѣлать? какъ быть? Сказать отцу прямо? Это его страшно обидитъ, огорчитъ, раздосадуетъ... Сердце сжималось у Панафидина при мысли, что онъ надѣлалъ... Отецъ и безъ того постоянно нездоровъ, кашляетъ, раздражается, — а тутъ вдругъ новая непріятность... И кто виновать? Онъ, онъ!.. не кто иной, какъ онъ! Что будетъ съ отцомъ теперь? А вдругъ умереть? И кто тогда будетъ виновать? Опять-же онъ, онъ!.. И онъ рѣшилъ, что не скажетъ правды отцу и свидѣтельства ему не покажетъ. Такъ и сдѣлалъ.

Время шло. Какъ-то разъ на каникулахъ отецъ вспомнилъ и спросилъ сына:

— А что? ты за свидѣтельствомъ заходилъ въ гимназію?

— Нѣтъ... Да зачѣмъ-же? Все равно, извѣстно: перешелъ.

— Такъ-то такъ... Но все-таки... пріятно-бы взглянуть... А впрочемъ, не въ свидѣтельствѣ суть...

Отецъ оставилъ его въ покоѣ и больше уже не спрашивалъ о свидѣтельствѣ. Однако, на душѣ мальчика не было покоя: надъ нею тяготѣлъ обманъ, на который онъ рѣшился только ради того, чтобы не огорчить отца. Теперь онъ, по возможности, отдалялся отъ отца, избѣгалъ его общества, чтобы какъ-нибудь случайно не открылась его ложь. Весь онъ холодѣлъ всякій разъ, когда его взглядъ встрѣчался съ отцовскимъ; а когда отецъ заговаривалъ съ нимъ, онъ старался отвѣчать короче и отдѣлываться молчаніемъ. И больно ему было и совѣстно, когда отецъ отличалъ его отъ прочихъ его братьевъ, ставя имъ въ

примѣръ Ѳедю. Странная какая-то была эта семья: всѣ шестеро были какіе-то вялые, неспособные, учились туго, оставались на второй годъ въ классѣ и постояннымъ горемъ еще болѣе раздражали своего болѣзненного отца. «Сведете вы меня въ могилу, пріятели!» — кричалъ онъ имъ желчно, кашляя и отхаркиваясь, когда они приносили ему свои свидѣтельства съ ужасными отмѣтками. Только поведеніе у нихъ было хорошее. Отецъ въ раздраженіи объяснялъ это тѣмъ, что они и шалить-то неспособны...

А вотъ теперь одинъ изъ нихъ, Ѳедя, и въ поведеніи сплеховалъ. Про свой обманъ зналъ онъ только одинъ; никому не хотѣлъ онъ повѣрить свою тайну, и все лѣто провелъ въ мучительномъ раздумьи, какъ ему быть дальше. Онъ надѣялся, что и на будущее время ему удастся скрыть свою неудачу, и что только когда-нибудь, со временемъ, когда онъ будетъ уже въ предпоследнемъ классѣ, должно будетъ выясниться, что ему нужно пробыть въ гимназіи еще годъ; а тогда (такъ онъ мечталъ) ему все простятъ, потому что онъ будетъ уже взрослый юноша и сумѣетъ объяснить, что все это онъ надѣлалъ ради отца, чтобъ только не огорчить его... Бываютъ-же иногда фантазіи! Задумано — сдѣлано. Первая лож повлекла за собою новые и новые обманы. Послѣ каникулъ Ѳедя Панафидинъ началъ учиться не лучше, хотя былъ второй годъ въ классѣ. Гнетущая мысль не выходила изъ головы и мѣшала, все не давала заниматься. Приходилось изобрѣтать что-нибудь новое, разыскивать новый нечистый путь, чтобы скрыть старое. И онъ нашелъ такой путь. Наконецъ, отцу пришла слѣдующая повѣстка:

«Инспекторъ гимназіи покорнѣйше проситъ Васъ, Милостивый Государь, пожаловать завтра къ двумъ часамъ для переговоровъ о слабыхъ успѣхахъ сына Вашего, Ѳедора, пансіонера III класса».

— Вотъ тѣ на! — удивился отецъ: — третьяго класса... Какъ-же это такъ?.. И какіе такіе слабые успѣхи, когда все четверки да тройки, и даже одна пятерка? Только одна двойка была... а то все хорошіе баллы... Нѣтъ, тутъ что-то неладно.

На слѣдующій день онъ явился въ гимназію къ назначенному часу, захвативъ съ собою недѣльное свидѣтельство Ѳеди, которое лежало у него на столѣ. Дѣло сейчас-же выяснилось; у Панафидина были два свидѣтельства: одно — настоящее, которое онъ получалъ отъ класснаго наставника и, подписывая самъ за отца, возвращалъ наставнику, а другое — поддѣльное, которое онъ самъ сочинялъ, выставляя себѣ тройки и четверки, какъ ученику четвертаго класса, самъ подписывался за класснаго наставника и показывалъ отцу, прося его расписаться въ прочтеніи.

— Нѣтъ, это невозможно!.. невозможно!.. — говорил инспекторъ, похаживая по приѣмной и волнуясь: — у насъ еще ничего подобнаго никогда не бывало... Вамъ придется взять вашего сына отъ насъ. Я не могу этого потерпѣть...

— Позвольте, господинъ инспекторъ, позвать его сюда... Позвольте его выслушать... Можетъ быть, чтонибудь и выяснится, — просилъ отецъ Панафидина покорнымъ тономъ человѣка, сконфуженнаго и чувствующаго себя въ неловкомъ положеніи.

— Что-же тутъ выяснять? Дѣло и такъ ясно. Скверно... — началъ-было инспекторъ, но прибавилъ: — а впрочемъ, пусть... Послушаемъ, что онъ скажетъ.

Вызвали Ѳедю. Встревоженный, вбѣжалъ онъ въ приѣмную и остановился передъ ними. Инспекторъ далъ ему настоящее свидѣтельство и спросилъ:

— Это что такое?

— Это... мое свидѣтельство.

— А это?

— Ахъ!

Какъ-то тихо сорвалось это ахъ; оно было похоже скорѣе на легкій вздохъ, какъ-будто Ѳедя захлебнулся. Онъ стоялъ передъ ними молча и неподвижно, и глаза его были тупо устремлены на это злосчастное поддѣльное свидѣтельство. Опять его охватилъ тотъ-же знакомый ему холодъ; мысли путались, онъ понималъ только одно, что онъ попался и что все теперь извѣстно... И затѣмъ — страхъ, страхъ и страхъ... и больше никакого чувства, ни

одной мысли. Его спрашивали, старались узнать отъ него, какъ пришло ему такое намѣреніе, откуда досталь онъ это свидѣтельство, чтобы выставять на немъ свои фантастическія отмѣтки; но онъ молчалъ — упорно молчалъ, словно не могъ ничего отвѣтить, точно воды въ ротъ набралъ... Наконецъ, отецъ, выйдя изъ себя, задыхаясь отъ злости, скрипя зубами, сталъ попрекать его:

— Хороши!.. Васъ кормятъ, поятъ, обувають, одѣваютъ... а вы вотъ какъ благодарите! Въ гробъ вы меня уложите... вотъ что!

Но тутъ Одея ужъ не могъ удержаться. Схватившись за его рукавъ, онъ вскрикнулъ:

— Нѣтъ!... папаша... нѣтъ! Не говорите такъ... зачѣмъ?.. Папаша... вѣдь это я все для васъ, папашенька... милый... дорогой... Зачѣмъ въ гробъ?

Припавъ лицомъ къ рукѣ отца, онъ замолкъ. Голова его встряхивалась судорожно, рыданія не давали ему говорить. Но отца не покинуло раздраженіе. Онъ отдернулъ руку и продолжалъ упрекать сына:

— Для меня!.. Хорошо для меня... Дѣлаютъ пакости, да еще увѣряютъ, что это для меня... Что-же? прикажете взять его сейчасъ-же? — обратился онъ къ инспектору.

— Нѣтъ, еще совѣтъ будетъ. Тамъ потолкуемъ...

— Вотъ! гонять тебя!.. И это, скажешь, для меня?.. Уродится-же такой олухъ!.. — И опять онъ обратился къ инспектору: — Вотъ, батюшка мой, наградила меня Царь Небесный; шестеро такихъ олуховъ у меня... да-съ, шестеро...

Онъ махнулъ рукой и вдругъ закатился долгимъ, мучительнымъ кашлемъ.

Вѣсть объ этомъ случаѣ живо облетѣла пансіонеровъ. Панафидинъ сидѣлъ въ камерѣ, уставившись взглядомъ куда-то въ стѣну. Къ нему подходили, начинали его спрашивать, но такъ и отходили, ничего не узнавъ, потому что онъ молчалъ, и ни словечка нельзя было отъ него добиться. За обѣдомъ онъ также не проронилъ ни слова. Но послѣ обѣда, мало-по-малу успокоившись, онъ разговорился:

— Видить Богъ, это я для папашеньки, чтобъ только его не разстроить... Онъ у насъ такой больной... Мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ сердился... Я думалъ, что онъ разсердится и умретъ... Видить Богъ, это я все для папашеньки придумалъ, чтобъ онъ только не умеръ...

Сидя на подоконникѣ и рассказывая подробно всю эту исторію, Панафидинъ поминутно божился и клялся. Около него собралась толпа товарищей. Съ сожалѣніемъ смотрѣли они на него, слушая его рассказъ и божбу. Подошелъ къ нимъ и Николай Андреевичъ, слушалъ и вѣрилъ Панафидину. Чуткимъ сердцемъ своимъ онъ понималъ горе этого мальчика, — понималъ, что тотъ заварилъ всю эту кашу сначала по неосторожности, а потомъ, дѣйствительно, изъ боязни раздражить и огорчить отца. Всѣ понимали, что положеніе Панафидина очень опасное, но не знали, какъ помочь горю, терялись...

— Да, Панафиша, плохо твое дѣло: попалъ ты въ исключительное положеніе... раньше меня... неожиданно, нежданно, — подшутилъ Угрюмовъ, больше, впрочемъ, надъ собою, чѣмъ надъ Панафидинымъ.

Быть «въ исключительномъ положеніи» у пансіонеровъ значило быть исключеннымъ изъ гимназіи. Нѣкоторымъ, однако, будущее Панафидина не представлялось столь опаснымъ. Такъ, напримѣръ, Шушаринъ успокаивалъ, что все устроится и уладится.

— А какъ?

— Простятъ.

— Ну, это еще вилами писано на прошлогоднемъ снѣгу.

— А вотъ что, — началъ Любовицкій: — вы вотъ, господа, такіе хорошіе товарищи, вы мнѣ добро сдѣлали...

— Американецъ! — шепнулъ кто-то изъ толпы.

— Ну, американецъ!.. и отлично... и не лѣзь! — огрызнулся Любовицкій: — это вовсе къ дѣлу не относится.

— Да говори-же, что такое ты хочешь!.. Колпинскій.

— Не могу-же я сразу... не торопи...

— Собирается, какъ точно Исакіевскій соборъ строится...

— Отстань!

— Ну, не сердись. Я вѣдь правду: американцы вѣдь все скоро дѣлають, а ты мямлишь...

— Потому, что онъ не настоящій, а колпинскій!

— Эхъ!

Любовицкій нетерпѣливо махнулъ рукой, прорвался сквозь толпу и зашагалъ по камерѣ прочь отъ товарищей. Его остановили и уговорили вернуться. Тогда онъ, освободившись понемногу отъ нахлынувшей на него досады, началъ излагать свой планъ; но, какъ всегда разсѣянный, онъ мямилъ, путался въ словахъ, забывалъ, что хотѣлъ сказать, и, припоминая, ерошилъ волосы, и безъ того встре-паннанные. Онъ предлагалъ пойти къ директору и попросить его за Панафидина.

Такъ и сдѣлали. Выбрали Яковенка, Угрюмова и Буланова, помня, что эти трое дѣйствовали уже съ успѣхомъ. Но Лазаревъ остановилъ ихъ:

— Нѣтъ, братцы, вы Угрюмова не берите: онъ вамъ все дѣло испортить.

— А что?

— Да кто ему повѣритъ? Тутъ нужно, чтобы всѣ были умники-разумники. А на Угрюмова стоитъ только посмотреть...

Всѣ обратились глазами на Угрюмова. Онъ улыбался, повидимому, нисколько не обижаясь на Евлаху за его откровенность. Общій смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту улыбку.

— Давайте, я пойду, — вызвался-было Добрый.

— Нѣтъ, тебѣ не слѣдуетъ.

— Отчего?

— Не годишься.

— Почему?

— Потому, что не годишься.

— Вотъ причина! Не годишься, потому что не годишься!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, тебя неловко къ директору пустить.

— Да почему-же?

— Отъ тебя чеснокомъ воняеть.

— Умно! нечего сказать — очень умно! Дуракъ!

— Душа моя! Ругательство не есть доказательство...

— Да будетъ вамъ спорить-то, — остановилъ ихъ кто-то: — только ссорятся, а дѣло не двигается...

Тогда Угрюмовъ предложилъ выбрать вмѣсто него Любовецкаго, такъ какъ и американца считали «умникомъ-разумникомъ».

— Американцу кстати, — подмигнулъ онъ на Любовецкаго.

— Почему это?

— Вѣдь ты любишь путешествовать: вотъ и прогуляйся къ директору.

Попросились у Николая Андреевича, и онъ охотно отпустилъ ихъ. Когда они вошли въ кабинетъ директора, тамъ никого не было. Директоръ еще обѣдалъ. Изъ столовой доносился стукъ тарелокъ и ножей. Воспитанники стояли долго, переминаясь на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи. Никто не выходилъ къ нимъ.

— Покашлять развѣ?

— Ну, вотъ еще! не надо.

— Я кашляну.

— Оставь.

Но Любовецкій все-таки кашлянулъ. Буланову стало смѣшно; сдерживаясь, нѣ приложилъ кулакъ ко рту, отвернулся и захихикалъ въ руку. Любовецкій кашлянулъ еще.

— Кто тамъ? — слышалось изъ столовой.

— Это мы, — отвѣтилъ Яковенко.

— А кто вы?

— Булановъ, Любовецкій и я.

— Сейчасъ, господа, я къ вамъ выйду. А вы присядьте тамъ пока.

Вскорѣ директоръ вышелъ къ нимъ, вытирая ротъ и дожевывая. Это былъ сухощавый, высокій господинъ съ гладко обритымъ, серьезнымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ.

— Что скажете? — спросилъ онъ ихъ. — Да! первый вопросъ: у господина воспитателя спросились?

— Да, насъ Николай Андреичъ отпустилъ.

— Ну-съ, что скажете хорошенькаго?

— Мы къ вамъ, Смарагдъ Исаичъ.

Директоръ улынулся.

— Вижу, что ко мнѣ. Не смѣю спорить. Но что именно угодно вамъ?

— Смарагдъ Исаичъ... мы насчетъ... Панафидина попросить... — робко началъ Яковенко дряблымъ голоскомъ.

— Насчетъ Панафидина? Знаю, знаю... слыхаль... Что же, друзья мои, по-вашему, можетъ быть, это хорошій поступокъ?

— Нѣтъ, Смарагдъ Исаичъ, это очень, очень нехорошій... Но только... тутъ...

Яковенко замялся и замолчалъ.

— Смарагдъ Исаичъ, онъ не виновать! — подхватилъ Любовецкій смѣло.

Директоръ повелъ бровями. Видно было, что онъ не вѣрилъ, хотя онъ этого и не высказывалъ.

— Это онъ все для своего папы сдѣлалъ, — добавилъ Булановъ: — мы все знаемъ.

Смарагдъ Исаичъ велѣлъ имъ рассказать, въ чемъ дѣло. Торопясь и перебивая другъ друга, они сообщили ему все, что сами слышали отъ Панафидина. Онъ выслушалъ ихъ молча, потомъ отпустилъ ихъ и велѣлъ позвать Панафидина. Съ дрожью подъ жилками, съ холодомъ въ сердцѣ, весь блѣдный, даже зеленый, явился Панафидинъ къ директору и опять началъ рассказывать всю исторію съ начала до конца, и опять плакалъ, сморкался, божился и клялся. Вечеромъ всѣ учителя и воспитатели собрались на совѣтъ; призывали туда и Панафидина, спрашивали его... И опять онъ рассказывалъ, божился и плакалъ. Пансіонеры съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія совѣта, и, когда онъ кончился, узнали, что Панафидина не исключили. Когда же пришла суббота, оказалось, что онъ не оставленъ безъ отпуска: его даже не наказали... Въ слѣдующій понедѣльникъ пришелъ въ гимназію его отецъ и вызвалъ въ приемную Любовецкаго, Яковенка и Буланова. Горячо благодарилъ онъ ихъ и просилъ передать благодарность его и остальнымъ товарищамъ. А въ заключеніе не могъ не добавить:

— Что-же прикажете дѣлать, коли у меня шестеро такихъ вотъ олуховъ? Вотъ наградилъ Господь! Да-съ, шестеро!..

Быть можетъ, читатели удивились и недоумѣваютъ, почему Любовицкаго товарищи стали называть «колпинскимъ американцемъ» и намекать на какую-то его любовь къ путешествіямъ? Это была также одна изъ «исторій». Съ нимъ тоже былъ случай — одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые способствовали сближенію товарищей.

Какъ уже извѣстно, Любовицкій любилъ читать. Чтеніе было его любимымъ занятіемъ, которому онъ отдавался всецѣло, забывая ради него рѣшительно все на свѣтѣ. Оно еще болѣе помогало его природной разсѣянности: занявшись какою-нибудь книжкой, онъ такъ увлекался всѣмъ, что въ ней описывалось, что въ это время жилъ какъ-бы въ другомъ мірѣ — въ томъ, куда вводила его эта книжка. Особенно любилъ онъ читать описанія путешествій съ приключеніями и разными походами. Онъ часто самъ воображалъ себя героемъ такихъ походовъ. Его тѣснила гимназическая обстановка, раздражали постоянные звонки, досадовала необходимость идти съ другими то въ классъ, то въ столовую, то въ камеру и приниматься за уроки или ложиться спать, когда ему вовсе не до того было. И вотъ, начитавшись путешествій, онъ самъ задумалъ путешествовать, — вознамѣрился бѣжать изъ гимназій, бѣжать въ Америку.

Какъ и всякій человѣкъ, отдающійся охватившему его увлеченію, Любовицкій больше мечталъ, чѣмъ обдумывалъ свое намѣреніе, или-же его предварительное обдумываніе было устремлено только на нѣкоторыя части плана, но оставались въ его планѣ еще такія части, такіе уголки, которыхъ мечтатель не предусматривалъ и даже не предугадывалъ. Такъ, напримѣръ, онъ тщательно обдумывалъ, какія вещи ему необходимо взять съ собой: компасъ и ножъ — вотъ главные предметы, которыми онъ хотѣлъ запастись... Компасъ долженъ былъ указывать ему путь, ножъ всегда нуженъ путешественнику въ дорогѣ — для защиты отъ нападенія, для того, чтобы разрѣзать пищу, да, нако-

нецъ, мало-ли для чего еще нуженъ ножъ... Платье Любо-вицкій намѣревался оставить на себѣ казенное: пальто было довольно легкое и въ пути необременительное, черная будничная рубашка просторна и для движеній не стѣснительна; не мѣшало-бы заручиться еще высокими сапогами, но ихъ можно замѣнить и казенными, засучивъ въ нихъ брюки, такъ какъ казенные сапоги были достаточно высоки и нѣсколько напоминали собою охотничьи. На случай мороза и ненастья предполагалось захватить съ собою башлыкъ и рукавицы. Денегъ у Любовицаго было три рубля восемь гривенъ, это онъ считалъ вполне достаточнымъ на первое время. Въ дорогѣ нуженъ спутникъ: онъ ободряетъ, съ нимъ веселѣе путь, не такъ страшны опасности... Но кого выбрать, не будучи ни съ кѣмъ въ тѣсной дружбѣ? Любовицкій, однако, больше всѣхъ расположенъ былъ къ Шушарину, — вѣроятно, потому, что Шушаринъ, добрый и деликатный по натурѣ своей, никогда не задѣвалъ его и не дразнилъ, такъ что Любовицкому не приходилось кричать на Шушарина «отстань» и «не лѣзь». Правда, не лѣзли къ Любовицкому и нѣкоторые другіе, напримѣръ, Яковенко и Булановъ; но ихъ онъ не считалъ подходящими для того, чтобы ему подѣлиться съ ними своими планами: они были солиднѣе, самостоятельнѣе въ своихъ мнѣніяхъ, и онъ не рассчитывалъ, что ему удалось бы склонить ихъ на свою сторону. Шушаринъ-же казался ему вполне подходящимъ для этого: онъ извѣстенъ былъ всему пансіону за добраго малаго, мягкаго и уступчиваго характеромъ, котораго легко можно уговорить и подбить на что угодно. Съ нимъ-то Любовицкій и подѣлился своими мечтами, ему-то онъ и повѣдалъ свои планы. Любовицкій не принялъ въ соображеніе только одного свойства, которымъ славился Шушаринъ, — про Шушарина у пансіонеровъ сложилось такое мнѣніе: «ему только скажи — сейчасъ-же всему Петербургу извѣстно будетъ»; иногда надъ нимъ подшучивали и такъ: «сказалъ пѣтухъ курицѣ, а курица всей улицѣ...»

Надо еще замѣтить, что Шушаринъ, при всѣхъ своихъ прочихъ свойствахъ, слылъ въ гимназій еще и за чудака. Онъ ловко копировалъ учителей и товарищей, перенимая

ихъ тонъ, манеры; онъ сочинялъ цѣлыя комическія сцены и, представляя въ лицахъ того или другого учителя, часто смѣшили ими своихъ друзей; онъ потѣшалъ пансіонеровъ анекдотами, на которые у него была удивительная память — далеко не такая, какъ на ученѣе. — «Что касается научныхъ познаній, то я есмь профанъ, а что касательно насчетъ того, чтобы ежели, такъ это можно-съ, во всякое время-съ!..» заявлялъ о себѣ Шушаринъ, дѣлая ужимки лицомъ, усиленно моргая глазами, присѣдая и, вообще, стараясь насмѣшить и развеселить. Онъ говорилъ, что со временемъ будетъ актеромъ, очень любилъ ходить въ театръ, зналъ біографіи многихъ извѣстныхъ артистовъ, собиралъ фотографическія карточки знаменитостей, охотно заучивалъ наизусть и декламировалъ съ выраженіемъ стихи, при чемъ увѣрялъ, что занимается «декламараціей». У Байрона, въ его поэмѣ «Чайльдъ-Гарольдъ» есть слѣдующія строки:

«Природа-мать! ты намъ дороже
Всего: мнѣя часто видь,
Ты каждый разъ встаешь моложе,
И образъ твой къ себѣ манить...»

Шушаринъ вычиталъ, запомнилъ эти строки и пользовался ими для своего шутовства всякій разъ, когда почему-либо приходилъ въ восторгъ. А въ восторгъ онъ приходилъ довольно часто, — отъ всякаго пустяка. Бывало, насмѣшить товарищей какимъ-нибудь потѣшнымъ анекдотомъ и, придя немедленно въ восторгъ, размахнетъ руками, вспрыгнетъ на окно, высунетъ голову въ форточку и оретъ, глядя на небо: — «Природа ма-а-ть...» И самъ-же откликается, но уже другимъ голосомъ, какъ-будто ему отвѣчаетъ природа: — «Что-о-о?» — «Ты намъ дороже!» кричитъ онъ опять своимъ голосомъ и спрашиваетъ за природу: — «Чего?» — «Всего!» — «О-о-о...» Итакъ, Шушаринъ былъ добрякъ и весельчакъ, болтливъ и простоватъ; товарищами былъ любимъ, но не уважаемъ, потому что всѣ его считали шутомъ и пустомелей, хотя и «славнымъ парнемъ» (а «славный парень» на гимназическомъ языкѣ — похвала большая).

Когда Любовицкій, отозвавъ Шушарина въ полутемный уголокъ бібліотеки, повѣдалъ ему свои намѣренія и пла-

ны, они долго шептались тамъ. Любовницкій развивалъ свои мечтанія, а Шушаринъ восхищался. Онъ сразу согласился на его предложеніе, въ которомъ не находилъ никакой несообразности.

— Вотъ только денегъ мало, — пожалѣлъ Любовницкій. — Положимъ, на первое время хватитъ... А у тебя есть деньги?

— У меня семь гривенъ... Да это ничего! Когда мы доберемся до Берлина, или до Лондона, или до Парижа, я устрою литературное чтеніе, и мы сразу заработаемъ кучу... Иностранцы такъ и повалять слушать... Вѣдь это, понимаешь-ли, очень любопытно: тамъ теперь мода на все русское, только русскаго и жаждутъ... И вдругъ — приѣхали двое русскихъ и устраиваютъ чтеніе... понимаешь, декламацию!.. Ты — распорядитель, я — чтець... Залъ полный... денегъ — куча!.. Сразу нагремимъ на весь свѣтъ... Телеграммы... во всѣхъ газетахъ!.. Тутъ наши читаютъ съ удовольствіемъ, съ благодарностью, какъ мы прославили свою Россію... А мы на корабль и въ Америку!..

Прозвенѣвшій звонокъ, звавшій на репетицію, прервалъ ихъ разговоръ. Тогда Шушаринъ, перебѣжавъ черезъ библіотеку, вскочилъ на окно, отворилъ форточку и въ восторгъ закричалъ:

— «Природа - мать!» — «Что-о-о?» — «Ты намъ дороже!» — «Чего?» — «Всего!..» — «О-о-о!»

— Что такое? что съ тобой, Мартыновъ? — спросили его. (Шушарина товарищи обыкновенно называли именами знаменитыхъ актеровъ).

— Эхъ, братцы, хорошо!.. Вотъ ловко-то! Прощайте!.. Скоро прощайте... навсегда!..

Его спрашивали еще. Но онъ удержался — не сказалъ сразу. За репетиціей-же онъ ужъ нѣсколько разъ порывался разболтать новую выдумку. Сидя надъ книгой, онъ не могъ учиться, ничего не видѣлъ въ ней и время отъ времени восклицалъ, щелкая пальцами:

— Чортъ побирай! важно!.. Славно прокатимся!

— Куда это ты собираешься, Щепкинъ? На гастроли? — освѣдомились у него.

— Помалкивай. Не твое дѣло! — подмигиваль Шушаринъ. — Когда-нибудь узнаешь... Скоро!

Хоть онъ и сдерживался, чтобы не разболтать, но ему не терпѣлось. Доставъ атласъ и раскрывъ черновую тетрадь, онъ сталъ срисовывать карты разныхъ странъ и чиркаль имена знаменитыхъ путешественниковъ: Пржевальскій, Норденшельдъ, Стэнли, Юнкеръ, Елисеѣвъ... Да такъ и забылъ тетрадь раскрытою въ камерѣ, когда позвонили къ чаю. Послѣ чая, проходя по камерѣ, онъ увидѣлъ, что Лазаревъ и Быстриевскій разглядывали его тетрадь.

— Вы чего? Ахъ, вы! — припугнулъ онъ ихъ въ шутку.

— Да вотъ глядимъ, какимъ ты, Самойловъ, сталъ географомъ.

— Подождите, еще не то будетъ!

— Что-же? а сцена? а комедіи?

— И сцена будетъ, и комедіи будутъ... только не здѣсь.

— Мудрено сотворено!.. Гдѣ-же?

— Ахъ!

Шушаринъ отмахнулся рукой. Это должно было означать, какъ ему мучительно скрывать и какъ вертѣлась у него на языкѣ эта тайна, просясь наружу. Потомъ, подсѣвъ къ нимъ и нагнувшись, онъ началъ шопотомъ:

— Ну... пожалуй... скажу!.. Только, братцы, чуръ — секретъ!

— По секрету всему свѣту?

— Нѣтъ, робя, только вамъ... по дружбѣ. А вы никому, ни-ни... Слышите?

— Слышимъ.

— Обѣщаете?

— Да говори-же!

— Клянитесь!

— Фу, ты, Господи! да говори-же наконецъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, клянитесь.

— Ну, ладно, Сазоновъ. «Клянусь я первымъ днемъ творенья»...

И онъ разсказаль имъ все. Они ахали отъ удивленія, улыбались, подталкивали лукаво другъ друга, и, глядя

на него, какъ онъ восторгался, Лазаревъ наконецъ сказалъ:

— Вотъ дуракъ-то!

— Почему такъ?

— А подумай.

Не прошло и четверти часа, какъ ужъ весь пансіонъ зналъ о задуманномъ побѣгѣ. Общій хохотъ стоялъ въ камерахъ и корридорѣ. Около Шушарина и Любовицкаго толпились пансіонеры, потѣшаясь надъ ихъ замыслами. Шушаринъ, вообще, легко поддававшійся чужому мнѣнію, склонился скоро и въ этотъ разъ и, убѣжденный доводами товарищей, смѣялся вмѣстѣ съ остальными. Но не такъ-то легко было разубѣдить Любовицкаго. Онъ злился прежде всего на Шушарина, выдавашаго ихъ тайну, потомъ на Евлаху Лазарева, разболтавшаго про нее, а тамъ ужъ и на всѣхъ, кто трунилъ надъ нимъ. Сначала онъ попробоваль-было притвориться, — сталъ увѣрять, будто ничего не было и будто все это выдумали Шушаринъ и Лазаревъ. Потомъ онъ принялся защищать свою мысль, доказывать, что ничего въ ней нѣтъ нелѣпаго. Такъ его въ этотъ вечеръ и не убѣдили. Согласился онъ съ ними только тогда, когда ему послѣ воскресенья кто-то изъ товарищей принесъ изъ отпуска книжку, разосланную когда-то при журналѣ «Нива». Въ книжкѣ этой былъ помѣщенъ рассказъ І. Ясинскаго «Американцы», гдѣ въ смѣшномъ видѣ изображены такіе-же гимназисты, задумавшіе побѣгъ въ Америку. Любовицкій неохотно взялся за этотъ рассказъ, а когда прочиталъ его, то согласился съ товарищами, что, однако, не мѣшало ему злиться на нихъ и кричать «отстанъ» и «не лѣзь», когда они въ шутку называли его «колпинскимъ американцемъ».

— Эхъ, ты! — говорили они: — дошелъ-бы до Колпина или до Лигова: тамъ-бы тебя и поймали и привели-бы назадъ съ городovýmъ... У-у... Колпинскій!

— Не лѣзь!

— Чего — не лѣзь? Вѣдь самъ-же насъ благодариль, что мы тебя удержали.

— Ну, и благодариль... и отлично... и прекрасно! А все-таки не лѣзь!